

ЗАЗОР

Виталий Корчагин

Виталий Корчагин

Зазор

«Автор»

2026

Корчагин В.

Зазор / В. Корчагин — «Автор», 2026

«Зазор» — практическая книга о коротком пространстве между событием и выводом. Мы постоянно превращаем факты в объяснения: человек не ответил — значит, обиделся; что-то не получилось — значит, «я такой». Иногда первая версия верна. Иногда она просто слишком быстро становится фактом. Книга о том, как сохранять собственные выводы обновляемыми: отделять событие от интерпретации, замечать влияние прошлого, состояния и чужого взгляда и оставлять место для новых данных. «Зазор» продолжает исследование, начатое в «Заклинании», но уже с практической стороны.

© Корчагин В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава 1. Событие и первая версия	7
Попробовать	9
Глава 2. Вопрос уже задаёт форму ответа	10
Попробовать	12
Глава 3. Сомнение не знает ответа	13
Попробовать	15
Глава 4. Какую территорию захватило объяснение	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Виталий Корчагин

Зазор

Вместо предисловия

Есть момент, который обычно почти не виден.

Что-то произошло — и я уже знаю, что это значит.

Человек не ответил.

Не хочет разговаривать.

Начальник коротко написал: «зайди».

Я что-то сделал не так.

Телефон дважды потерял сеть.

Здесь всегда плохая связь.

В ленте подряд несколько возмущённых сообщений об одном решении.

Все против.

Иногда первое объяснение верное. Иногда — почти верное. Иногда оно вообще мимо. Но меня интересует не ошибка сама по себе. Меня интересует скорость, с которой объяснение перестаёт ощущаться объяснением и начинает ощущаться фактом.

Между событием и выводом существует очень маленькое пространство. Я называю его **зазором**.

Это не особое состояние сознания. Не мудрость. Не способность всегда сомневаться. И не попытка превратить жизнь в бесконечное расследование.

Зазор — это возможность на короткое время удержать две вещи отдельно:

что произошло

и

что я решил, что это значит.

Иногда между ними разница в несколько секунд. Но этих секунд бывает достаточно, чтобы не отправить сообщение, о котором пожалеешь. Не принять чужое молчание за ответ. Не превратить один плохой день в диагноз всей жизни. Не считать собственную сильную эмоцию окончательным доказательством. Не подчиниться правилу, существующему только потому, что все думают, будто ему подчиняются остальные.

Эта книга не про правильные мысли.

Правильных мыслей заранее у меня нет.

Она про **обновляемость**.

В «Заклинании» меня интересовал другой участок того же процесса: как значение перестаёт только описывать происходящее и само входит в причинную цепочку. Здесь вопрос начинается немного позже. Объяснение уже появилось и уже способно влиять на следующие решения. Что нужно, чтобы оно оставалось пересматриваемым? Читать «Заклинание» для этой книги не требуется. Это не продолжение аргумента, а соседний вопрос.

Могу ли я изменить объяснение, если мир даст новые данные?

Может ли старый опыт постепенно потерять вес, если условия изменились?

Способен ли я услышать чужую версию, не принимая её целиком и не отвергая целиком?

Могу ли заметить, что сейчас думаю из злости, страха, влюблённости или усталости, и при этом не обесценить саму мысль?

Могу ли оставить хорошую идею рядом, не заставляя её немедленно объяснить всю мою жизнь?

Практика здесь очень скромная. Она не обещает независимость от других людей, прошлого, языка или собственных состояний. Она лишь иногда не позволяет первому объяснению закрыть дверь раньше, чем я успел посмотреть, куда она ведёт.

Глава 1. Событие и первая версия

После неприятного разговора я легко могу сказать:

мы совсем перестали понимать друг друга.

Фраза может оказаться точной. Но она уже намного больше самого разговора.

В разговоре было другое.

Я задал вопрос.

Человек ответил коротко.

Мне показалось, что он раздражён.

Я начал объяснять свою позицию подробнее.

Он перебил.

Я повысил голос.

Он сказал: «давай потом» и ушёл.

Это всё ещё неприятная сцена. Но она занимает несколько минут, а не всю историю отношений.

Мы постоянно сжимаем события. Иначе память и мышление утонули бы в деталях. Вместо сотен эпизодов появляется короткое: **он надёжный, я плохо выступаю, у нас сложные отношения, здесь нельзя спорить, эта работа мне не подходит.**

Сжатие полезно. Проблема начинается, когда я перестаю замечать переход от материала к выводу.

После пробежки у меня заболело колено

становится:

мне не подходит бег.

А потом:

спорт вообще не для меня.

Сначала один эпизод.

Потом правило о занятии.

Потом правило о теле.

Потом возможное будущее.

Боль при этом остаётся реальным событием. Но причина боли, её значение и прогноз на будущее — уже следующие слои.

У первого объяснения есть ещё одно преимущество: оно первое.

Человек долго не отвечает на сообщение.

Он обиделся.

Через минуту новые детали уже начинают проверяться относительно этой версии. Он был сухим утром — значит, обиделся ещё тогда. Посмотрел сообщение и не ответил — подтверждение. Выложил фотографию — тем более: телефон у него в руках.

Когда через несколько часов приходит: «извини, весь день был на встречах», новой информации приходится входить уже не в пустое место. Я успел почувствовать раздражение, вспомнить похожий случай, придумать ответ. Версия успела получить эмоциональный вес.

Поэтому зазор начинается не с поиска более приятного объяснения. Сначала можно вернуть два слоя.

Что произошло?

И:

какая у меня сейчас версия того, что это значит?

Не «она меня не уважает» — а какое действие я называю неуважением?

Не «я опять всё бросил» — а где именно остановился и почему?

Не «он обиделся» как факт — а **похоже, он обиделся.**

Слово **похоже** не делает мысль слабой. Оно просто сохраняет её тип.

Это вывод.

Не событие.

Иногда после распаковки первая версия останется самой сильной. Если вчера был конфликт, обида действительно вероятнее, чем внезапно разрядившийся телефон. Задача не в искусственном равноправии всех гипотез.

Задача в том, чтобы новый факт мог войти без необходимости сначала победить историю, которая уже выдала себя за факт.

Конкретность иногда даже неприятнее обобщения.

Я безответственный звучит тяжело, но расплывчато.

А:

я обещал отправить документ во вторник, не сделал этого и не предупредил уже требует действия.

Извиниться.

Отправить.

Понять, почему сорвал срок.

Изменить способ обещать.

Мне поэтому спокойнее сначала оставить поступок поступком, а версию — версией. Сегодня я не сделал то, что собирался. Возможно, устал. Возможно, избегал. Возможно, задача была плохо поставлена. Возможно, действительно поленился.

Ни один ответ не обязан немедленно становиться моей фамилией.

Попробовать

Когда появится крупная фраза о себе, другом человеке или ситуации, записать две строки:

Что произошло, если временно убрать объяснение?

Моя текущая версия: что это значит?

Глава 2. Вопрос уже задаёт форму ответа

Обычно я представляю мышление довольно просто.

Сначала появляется мысль.

Потом я ищу для неё слова.

Но иногда порядок, кажется, обратный.

Я начинаю фразу:

Мне кажется, что...

И теперь её нужно чем-то закончить.

Смысл ещё не вполне готов, но в языке уже появилось пустое место. Я могу написать **вроде, наверное, я думаю**, потянуть фразу ещё немного — и через несколько слов содержание находится.

Такие слова легко принять за воду. Иногда они ей и являются. Но иногда они работают как временные подпорки: позволяют фразе не закончиться раньше, чем мысль успела появиться.

Особенно хорошо этот механизм замечен в вопросах.

Почему мне сегодня не хочется ни с кем разговаривать?

Вопрос выглядит нейтральным. Но он уже кое-что сделал.

Он предложил искать причину.

Возможно, даже одну причину.

И теперь довольно легко получить ответ:

я просто устал от людей.

Фраза может оказаться точной. Но до вопроса у меня могло вообще не быть мысли, что я устал именно от людей. Было только состояние: сегодня не хочется разговаривать.

А причин может быть много и ни одна не обязана объяснять всё. Я плохо спал. Вчера много общался. Увлёкся работой. Хочется тишины. Несколько человек действительно раздражают. Никакого отдельного события вообще не произошло.

Вопрос открыл место для причины, и первая достаточно связная версия это место заняла.

То же происходит с более тяжёлыми вопросами.

Почему я снова ничего не сделал?

Первым приходит:

потому что я ленивый.

Но сам вопрос уже сжал ситуацию. Что значит «ничего»? Что именно я собирался сделать? Был ли понятен следующий шаг? Сколько у меня было сил? Хотел ли я вообще эту задачу выполнять? Был ли срок реальным?

Это не повод подозревать любое **почему**.

Причины существуют. Иногда вопрос быстро приводит к хорошему объяснению. Нам постоянно нужно понимать, почему что-то произошло.

Мне интереснее другое: найденный ответ и существовавшая заранее причина — не одно и то же.

Иногда объяснение действительно извлекается из опыта.

А иногда оно отчасти производится самим требованием объяснить.

Это особенно легко пропустить, если ответ хорошо звучит. Законченное предложение создаёт приятное ощущение, что вопрос тоже закончен.

Почему он так поступил? Потому что ему всё равно.

Грамматически конструкция закрылась.

Фактически — ещё неизвестно.

Поэтому иногда зазор нужен ещё раньше, чем я думал: не между двумя готовыми объяснениями, а между вопросом и первым ответом, который достаточно хорошо в него поместился.

Можно на минуту не отвечать на **почему**, а спросить иначе.

Что я сейчас точно знаю?

Что изменилось?

Какие разные причины здесь вообще возможны?

А обязательно ли у происходящего есть одна причина, которую можно коротко назвать?

Смена вопроса не гарантирует более правильный ответ. Новый вопрос тоже что-то подсвечивает и что-то прячет.

Но иногда этого достаточно, чтобы заметить: пустое место в предложении — ещё не доказательство того, что мир приготовил для него единственное правильное слово.

Попробовать

Когда на важное **почему?** слишком быстро находится крупный ответ, не отбрасывать его. Просто оставить рядом ещё одну строку:

Что я знал до того, как начал искать объяснение?

А потом посмотреть, какая часть ответа действительно пришла из данных, а какая могла появиться потому, что вопрос потребовал продолжения.

Глава 3. Сомнение не знает ответа

Сомнение легко романтизировать.

Человек, который сомневается, кажется осторожнее человека, который уверен.

Но сомнение само по себе не делает мысль лучше.

Можно сомневаться из-за реальной неоднозначности.

Можно — потому что страшно отвечать за выбор.

Можно — потому что рядом человек, чьё неодобрение слишком важно.

Можно — потому что две хорошие причины тянут в разные стороны.

Можно — потому что решение уже принято, но хочется избежать его цены.

Можно сомневаться даже в очевидном просто по привычке.

Поэтому я не хочу превращать сомнение в внутреннего мудреца.

Оно не говорит:

остановись, здесь ошибка.

Оно говорит гораздо меньше:

решение ещё не полностью закрылось.

Иногда это ценно.

Допустим, я собираюсь отказаться от предложения о работе. По всем очевидным параметрам новое место хуже текущего: меньше денег, дальше ехать, проект не очень интересен.

Отказаться вроде бы логично. Но решение почему-то не закрывается.

Можно сказать себе:

я просто боюсь упустить шанс.

И это может быть правдой.

Но можно не спешить объяснять само сомнение. Если новое место выглядит хуже, а отказаться всё равно трудно, значит, либо в предложении есть ещё один неучтённый параметр, либо само сомнение связано не с работой.

Что именно продолжает возвращаться?

Престиж компании?

Возможность поработать с конкретным человеком?

Переход в другую область?

Сам факт перемены?

Страх закрыть возможность?

Сомнение иногда полезно не как ответ, а как **указатель на непросмотренный участок карты.**

Но бывает и обратное.

Я третий месяц не могу решить, уходить ли с работы. Каждый вечер снова прокручиваю аргументы. Никаких новых данных не появляется. Те же плюсы. Те же минусы. Те же мысли.

Тогда сомнение перестаёт расширять картину. Оно просто откладывает действие.

Есть простой тест.

Что нового я пытаюсь узнать, продолжая сомневаться?

Если ответ есть — можно искать данные.

Мне важно понять, реально ли в другой команде будет больше свободы. Значит, нужно поговорить с будущим руководителем.

Не знаю, выдержу ли дорогу. Можно один раз проехать маршрут в час пик.

Не уверен, нравится ли мне сама работа. Можно попросить показать реальную задачу.

Если ответа нет и я в сотый раз перебираю тот же набор мыслей, возможно, зазор уже выполнил функцию. Дальше нужна не ещё одна пауза, а выбор.

Сомнение полезно, пока оно оставляет место для новых данных.

Когда новых данных не предполагается, оно может стать комнатой, в которой человек просто не выходит из двери.

Попробовать

В момент долгого сомнения назвать **одну** информацию, которой действительно не хватает.

Если её можно получить — сделать один конкретный шаг: задать вопрос, посмотреть реальную задачу, пройти маршрут, проверить условие.

Если получить её нельзя, заранее назначить момент, когда решение всё равно будет принято с теми данными, которые есть.

Зазор полезен, пока из него есть выход обратно в действие.

Глава 4. Какую территорию захватило объяснение

Некоторые мысли становятся опасно убедительными не потому, что они ложные, а потому, что слишком быстро увеличиваются.

Он соврал мне.

Через минуту:

ему нельзя доверять.

Потом:

людям вообще нельзя доверять.

И наконец:

если я доверяю, я наивный.

Один факт превратился в правило об одном человеке, затем о мире и в конце — обо мне.

Иногда такой рост оправдан. Если человек систематически врёт, обобщение нужно. Если одна и та же проблема повторяется десять раз, было бы странно каждый раз считать её случайностью.

Но мне полезно замечать сам переход масштаба.

Какую территорию сейчас занимает вывод?

Один эпизод?

Этого человека?

Эти отношения?

Определённый тип ситуаций?

Всех людей?

Меня целиком?

Всё будущее?

Слова **всегда, никогда, все, никто, я такой, со мной постоянно** часто показывают, что территория выросла. Не обязательно запрещать эти слова. Иногда «он всегда опаздывает» — вполне нормальное бытовое описание. Но если ставка высокая, полезно уточнить.

Всегда — это сколько раз?

Никто — кто именно?

Я такой — в каких ситуациях?

Со мной постоянно — как часто за последний год?

У меня слабая спина

может превратиться в:

после двух долгих поездок у меня болела поясница.

Вторая фраза менее эффектная, зато уже подсказывает, куда смотреть. Что именно было общего в этих поездках? Сколько я сидел без движения? Повторяется ли боль в других ситуациях? Что происходит сейчас, а что я уже добавил словом **слабая**?

Смысл не в том, чтобы игнорировать телесный сигнал. Наоборот: чем конкретнее описан сигнал, тем меньше приходится угадывать за него.

Есть ещё один способ незаметно увеличить территорию объяснения — дать ему хорошее название.

До названия были отдельные эпизоды.

Потом появляется слово:

выгорание.

манипуляция.

прокрастинация.

тревога.

Хорошее название экономит огромное количество усилий. Оно позволяет увидеть повторение, которое раньше распадалось на несвязанные сцены. Иногда именно имя впервые делает проблему управляемой.

Но потом слово может начать заменять наблюдение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.